

СУИЦИДАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ПЛАНИРОВАВШИХ ИЛИ СОВЕРШИВШИХ НАПАДЕНИЕ НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

И.С. Карауш, В.Д. Бадмаева, И.А. Чибисова

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, г. Москва, Россия

SUICIDAL BEHAVIOR OF MINORS, WHO PLANNED OR COMMITTED THE ATTACK FOR EDUCATIONAL INSTITUTIONS

I.S. Karaush, V.D. Badmaeva, I.A. Chibisova

V.P. Serbsky National Medical Research Center
of Psychiatry and Narcology, Moscow, Russia

Сведения об авторах:

Карауш Ирина Сергеевна – доктор медицинских наук (SPIN-код: 4193-9285; ResearcherID: J-2343-2017; ORCID iD: 0000-0003-1920-6175). Место работы и должность: ведущий научный сотрудник отделения судебно-психиатрической экспертизы и социальной психиатрии детей и подростков Отдела социальных и судебно-психиатрических проблем несовершеннолетних, доцент Учебно-методического отдела; ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России. Адрес: Россия, г. Москва, пер. Кропоткинский, 23. Телефон: +7 (913) 820-32-21, электронный адрес: anir7@yandex.ru

Бадмаева Валентина Дорджиевна – доктор медицинских наук (SPIN-код: 3064-0101; ResearcherID: AAB-1761-2021; ORCID iD: 0000-0002-2345-3091). Место работы и должность: руководитель Отдела социальных и судебно-психиатрических проблем несовершеннолетних; ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России. Адрес: Россия, г. Москва, пер. Кропоткинский, 23. Электронный адрес: badmaeva.v@serbsky.ru

Чибисова Ирина Анатольевна – кандидат медицинских наук (SPIN-код: 5673-3608; Researcher ID: KRQ-3786-2024; ORCID iD: 0000-0001-8822-5607). Место работы и должность: руководитель отделения судебно-психиатрической экспертизы и социальной психиатрии детей и подростков Отдела социальных и судебно-психиатрических проблем несовершеннолетних; ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России. Адрес: Россия, г. Москва, пер. Кропоткинский, 23. Электронный адрес: chibis-irena@mail.ru

Information about the authors:

Karaush Irina Sergeevna – MD, PhD (SPIN-code: 4193-9285; Researcher ID: J-2343-2017; ORCID iD: 0000-0003-1920-6175). Place of work and position: leading researcher at the Department of Forensic Psychiatric Examination and Social Psychiatry of Children and Adolescents of the Department of Social and Forensic Psychiatric Problems of Underage Children, associate Professor of the Educational and Methodological Department; V.P. Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology. Address: 23 Kropotkinskiy lane, Moscow, Russia. Phone: +7 (913) 820-32-21, email: anir7@yandex.ru

Badmaeva Valentina Dordjievna – MD, PhD (SPIN-code: 3064-0101; ResearcherID: AAB-1761-2021; ORCID iD: 0000-0002-2345-3091). Place of work and position: Head of the Department of Social and Psychiatric Problems of Minors; V.P. Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology. Address: 23 Kropotkinskiy lane, Moscow, Russia. Email: badmaeva.v@serbsky.ru

Irina Anatolyevna Chibisova – MD, PhD (SPIN-code: 5673-3608; ResearcherID: KRQ-3786-2024; ORCID iD: 0000-0001-8822-5607). Place of work and position: Head of the Department of Forensic Psychiatric Examination and Social Psychiatry of Children and Adolescents of the Department of Social and Forensic Psychiatric Problems of Minors; V.P. Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology. Address: 23 Kropotkinskiy lane, Moscow, Russia. Email: chibis-irena@mail.ru

Цель – анализ особенностей суицидального поведения у несовершеннолетних, планировавших и/или совершивших нападения на образовательные учреждения. *Материалы и методы.* Обследованы 22 несовершеннолетних 13-18 лет (21 – мужского пола) обвиняемые / подозреваемые в совершении или планировании нападения на образовательные учреждения, и прошедшие комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу (КСППЭ) в ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России. *Результаты.* Нарушения психического здоровья выявлены у 86,4% обследуемых, чаще других отмеча-

лись расстройства шизофренического спектра (45,5%) и формирующаяся личностная патология (22,8%). Общими для всех несовершеннолетних, не зависимо от наличия или отсутствия психических расстройств, являлись следующие характеристики – формирование навязчивых и / или сверхценных идей, увлечение деструктивным интернет-контентом, а также, в 77,3% случаев – те или иные проявления суицидального поведения – от суицидальных намерений и планов до попытки или завершённого суицида. Выявлена корреляционная связь ($r=0,88$) между суицидальными намерениями и увлечением сайтами деструктивной направленности с агрессивной и аутоагрессивной тематикой. *Заключение.* Показано десоциализирующее влияние деструктивного контента на несовершеннолетних, провоцирующее психически и психологически незрелых подростков к реализации агрессивных поведенческих паттернов. Изучение специфики ауто- и гетероагрессивного поведения у несовершеннолетних с различными нарушениями психического здоровья и факторов, влияющих на его формирование, является начальным звеном определения мишеней превенции совершения общественно опасных деяний.

Ключевые слова: несовершеннолетние, психические расстройства, ауто- и гетероагрессия, суицид, деструктивный контент, нападения на образовательные организации

Акты агрессии с тремя и более жертвами в течение короткого времени, совершённого в одном месте и в рамках одного события относят к массовым убийствам, при этом распространённой характеристикой лиц, совершающих такие действия, является готовность умереть или совершить самоубийство. Типичными примерами подобных деяний являются так называемые массовые расстрелы, совершаемые «школьными стрелками» [1]. Тенденция роста случаев стрельбы в школах в последние годы, как в Российской Федерации, так и в западных странах определяет необходимость принятия превентивных мер выявления несовершеннолетних из группы риска совершения общественно опасных действий [2-4]. Инциденты смерти от насилия с применением огнестрельного оружия в результате школьных перестрелок в настоящее время находятся на самом высоком зарегистрированном уровне за всю историю [5].

Во многих случаях акт массового убийства в образовательной организации заканчивается посткриминальным суицидом или попыткой самоубийства [1, 6]. Почти 80% нападавших на школы имели в анамнезе суицидальные мысли или суицидальные попытки, при этом мотивом в большинстве случаев была месть, в 30% – попытка привлечь внимание или признание, ещё в трети случаев истинное намерение расстаться с жизнью [7]. Один из последних систематических обзоров описывает ранее в достаточной мере не освещавшийся аспект проблемы – наличие у лиц, совершающих массовые расстрелы и террористические действия с последующим суицидом, чувства индивидуальной и/или социокультурной изоляции [8].

Нападение на школы, сопровождающееся идеями убийства - самоубийства, в подростковом и юно-

Acts of aggression involving three or more victims within a short period of time, committed in one place and within one event are classified as mass killings, and a common characteristic of those who commit such acts is a willingness to die or commit suicide. Typical examples of such acts are the so-called mass shootings committed by “school shooters” [1]. The upward trend in school shootings in recent years, both in the Russian Federation and in Western countries, determines the need to take preventive measures to identify minors at risk of committing socially dangerous acts 2. Incidents gun violence deaths from school shootings are currently at their highest recorded levels in history [5].

In many cases, an act of mass murder in an educational organization ends in post-criminal suicide or attempted suicide [1, 6]. Almost 80% of school attackers had a history of suicidal thoughts or suicide attempts, with the revenge motive being most common, 30% of cases being an attempt to gain attention or recognition, and another third of cases being a true intention to take their own life [7]. One of the latest systematic reviews describes a previously insufficiently covered aspect of the problem – the presence of feelings of individual and/or sociocultural isolation among those who commit mass shootings and terrorist acts with subsequent suicide [8].

Attacks on schools, accompanied by ideas of murder-suicide, in adolescence and young adulthood are often associated with the phenomenon of imitation or romanticization – the tendency to embellish the personality of a character who should be per-

шеском возрасте зачастую связано с феноменом подражания или романтизации – тенденцией приукрашивать личность персонажа, который должен восприниматься как отрицательный герой, однако у некоторых вызывает симпатию. Он определяется стремлением понять мотивацию поступков злодеев и изучением темной стороны собственного «Я» [9]. Нападающие склонны идеализировать стрелявших ранее, а распространение фрагментов личных дневников и записей, описывающих мотивы поступков стрелков, нередко определяет появление фанатов и последователей [10, 11]. Ещё одним признаком данного феномена является символический характер насилия и его коммуникативная роль – таким способом несовершеннолетний «делает заявление», передавая, тем самым, определённое сообщение окружающим [12]. Также отмечается церемониальность и / или ритуальность скулшутинга – преступник выбирает специфическую одежду (чёрные длинные плащи, тяжёлые ботинки – берцы, перчатки); следование маршруту, который стрелки в большинстве случаев повторяют, – школьные коридоры, классы, библиотека. Посткриминальный суицид некоторые исследователи также определяют как часть ритуальной демонстративности и даже театрализованности преступления [13]. С символическим характером насилия и его коммуникативным назначением сочетается и другой специфический признак школьных расстрелов – отсутствие избирательности жертв. Исполнителю не важно, кто станет его жертвой, как правило, не требуется отомстить конкретным людям [14].

К основным детерминантам скулшутинга исследователи относят неконтрольное использование интернет-ресурсов подростками, заполняемость интернет- и медиaprостранства деструктивно - агрессивной информацией, существование интернет-сообществ, пропагандирующих субкультуру «Колумбайн¹» [2, 15], которая оказывает особое десоциализирующее влияние на несовершеннолетних и, провоцирующее психологически уязвимых, отверженных подростков к совершению аутоагрессивных и криминальных агрессивных действий [16]. Традиционно к причинам появления и развития подобного типа сообществ относят пропаганду насилия в целом и скулшутинга в частности, безразличие родителей к проблемам своих детей (обесценивание или насмеш-

ceived as a negative hero, but is sympathetic to some. It is determined by the desire to understand the motivation of the actions of villains and the study of the dark side of one's own "I" [9]. Attackers tend to idealize those who shot earlier, and the dissemination of fragments of personal diaries and records describing the motives of the shooters' actions often determines the emergence of fans and followers [10, 11]. Another sign of this phenomenon is the symbolic nature of violence and its communicative role – in this way the minor "makes a statement," thereby conveying a certain message to others [12]. The ceremonial and/or ritual nature of school shooting is also noted – the criminal chooses specific clothes (black long raincoats, heavy boots – ankle boots, gloves); following the route that the arrows in most cases repeat – school corridors, classrooms, library. Some researchers also define post-criminal suicide as part of the ritual demonstrativeness and even theatricality of the crime [13]. Combined with the symbolic nature of violence and its communicative purpose is another specific feature of school shootings – the lack of selectivity of victims. The perpetrator does not care who becomes his victim; as a rule, he does not need to take revenge on specific people [14].

The main determinants of school shooting include the uncontrolled use of Internet resources by teenagers, the filling of the Internet and media space with destructive and aggressive information, the existence of Internet communities promoting the Columbine¹ subculture [2, 15], which has a special desocializing effect on minors and, provoking psychologically vulnerable, rejected adolescents to commit auto-aggressive and criminally aggressive actions [16]. Traditionally, the reasons for the emergence and development of this type of community include the promotion of violence in general and school shooting in particular, the indifference of parents to the problems of their children (devaluation or ridicule of feelings, lack of attention), a feeling of loneliness, lack of friends among peers; bullying in educational institutions;

¹Террористическая организация, запрещенная в Российской Федерации / Terrorist organization banned in the Russian Federation

ка над чувствами, отсутствие внимания), чувство одиночества, отсутствие друзей среди сверстников; буллинг в образовательных учреждениях; депрессивное настроение, суицидальные мысли и ощущение непонимания окружающими [9]. Подобные сообщества являются проводниками идеологии насилия, формируя среду, которая становится почвой для появления подростков, вынашивающих террористические намерения различной направленности. И если у подростка искажена эмоционально-волевая сфера, то в подобных группах он находит оправдание и мотивацию [17].

Целью настоящей работы является анализ особенностей суицидального поведения у несовершеннолетних, планировавших и / или совершивших нападения на образовательные учреждения.

Материалы

Обследованы 22 несовершеннолетних 13-18 лет с социально опасным поведением, планировавшие и / или совершившие нападения на образовательные учреждения, подвергшиеся в связи с привлечением их к уголовной ответственности комплексному судебному психолого-психиатрическому освидетельствованию в ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России. Средний возраст – 17 [15; 18] лет, 21 человек – лица мужского пола.

Методы

Клинико-психопатологический, психологический, статистический. Для обработки результатов исследования использована программа STATISTICA v.10.0. Распределение данных признано отличным от нормального, центральные тенденции и дисперсии количественных признаков представлены медианой (Me) и квантилями [Q25%; Q75%]. Статистическая взаимосвязь между индивидуально-психологическими особенностями исследовалась с помощью коэффициента корреляции Спирмена.

Результаты

Проведение комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСПЭ) показало наличие нарушений психического здоровья у 86,4% обследуемых. Структура психических расстройств представлена в таблице 1.

Среди психических расстройств, установленных несовершеннолетним в ходе КСПЭ, чаще других отмечались расстройства шизофренического спектра (45,5%) и формирующаяся личностная патология (22,8%).

depressed mood, suicidal thoughts and feelings of being misunderstood by others [9]. Such communities are conductors of the ideology of violence, forming an environment that becomes the basis for the emergence of teenagers who harbor terrorist intentions of various directions. And if a teenager's emotional-volitional sphere is distorted, then such groups allow them to find justification and motivation [17].

The aim of this work is to analyze the characteristics of suicidal behavior among minors who planned and/or committed attacks on educational institutions.

Materials

We examined 22 minors aged 13-18 who showed socially dangerous behavior and planned and/or committed attacks on educational institutions. Due to their criminal prosecution, they also underwent a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination at the Federal State Budgetary Institution National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology named after. V.P. Serbsky of the Russian Ministry of Health. Mean age – 17 [15; 18], 21 males.

Methods

Clinical-psychopathological, psychological, statistical methods have been used. To process the research results, the STATISTICA v.10.0 program was used.

The distribution of data is considered to be different from normal; central tendencies and dispersions of quantitative characteristics are represented by the median (Me) and quartiles [Q25%; Q75%]. The statistical relationship between individual psychological characteristics was examined using the Spearman correlation coefficient.

Results

The comprehensive forensic psychological and psychiatric examination (CFPPE) showed the presence of mental health disorders in 86.4% of the subjects. The structure of mental disorders is presented in Table 1.

Among the mental disorders identified by minors during the CFPPE, schizophrenia spectrum disorders (45.5%) and emerging personality pathology (22.8%) were most often noted.

Таблица / Table 1

Структура психических расстройств, установленных несовершеннолетним в ходе комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (n=22)

Structure of mental disorders identified in minors during a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination (n=22)

Психические расстройства Mental disorders	Шифр по МКБ-10 Code according to ICD-10	Кол-во, n	%
Органическое расстройством личности в связи со смешанными заболеваниями Organic personality disorder due to mixed diseases	F07.08	2	9,1
Расстройства шизофренического спектра (шизоаффективное расстройство, параноидная шизофрения, острое полиморфное психотическое расстройство с симптомами шизофрении, шизофрения недифференцированная и т.п.) Schizophrenia spectrum disorders (schizoaffective disorder, paranoid schizophrenia, acute polymorphic psychotic disorder with symptoms of schizophrenia, undifferentiated schizophrenia, etc.)	F25.2 F23.2 F23.1 F20.3 F21.4	10	45,5
Депрессивный эпизод умеренной степени Moderate depressive episode	F32.10	1	4,5
Расстройства личности (формирующееся смешанное расстройство личности, диссоциальное расстройство личности) Personality disorders (emerging mixed personality disorder, dissocial personality disorder)	F61.03 F60.2	5	22,8
Расстройства адаптации со смешанным расстройством эмоций и поведения Adjustment disorders with mixed emotion and behavior disorder	F43.25	1	4,5
Без психических расстройств No mental disorders	–	3	13,6

Клиническая картина выявленных психических расстройств отличалась фрагментарностью, незавершённой и изменчивостью психопатологической симптоматики, что, в целом, достаточно типично для детского и подросткового возраста. Подростков с *расстройствами шизофренического спектра* отличали своеобразные увлечения по типу подростковой метафизической «философической» интоксикации, болезненное рассуждательство относительно устройства мира, идеаторные нарушения с элементами насильственности, явления психических автоматизмов, бредовая интерпретация своего «особого значения», величия, охваченность темой смерти, а также нарастающая апатическая симптоматика (частые периоды «сильной лени», когда «ничего не хочется делать»), проблемы с выражением и пониманием эмоций (на вопрос об отношении к погибшим из-за стрельбы детям отвечал «ничего не чувствую»). В преморбиде отмечалось наличие шизоидных личностных черт в виде эмоциональной отгороженности, избирательности в общении, стремления к уединению, подростки испытывали значительные трудности взаимодействия со сверстниками в школах /

The clinical picture of the identified mental disorders was characterized by fragmentation, incompleteness and variability of psychopathological symptoms, which, in general, is quite typical for childhood and adolescence. Adolescents with *schizophrenia spectrum disorders* were distinguished by peculiar hobbies of the type of teenage metaphysical “philosophical” intoxication, morbid reasoning regarding the structure of the world, ideational disturbances with elements of violence, phenomena of mental automatism, delusional interpretation of their “special meaning”, greatness, preoccupation with the theme of death, as well as increasing apathetic symptoms (frequent periods of “severe laziness” when “you don’t want to do anything”), problems with expressing and understanding emotions (when asked about the attitude towards children who died due to shooting, he answered “I don’t feel anything”). In the premorbid period, the presence of schizoid personality traits was noted in the form of emotional isolation, selectivity in communi-

колледжах, не имели близких друзей, нередко отвергались сверстниками. При психологическом исследовании обращали внимание особенности эмоционально-волевой сферы подростков, которые характеризовались сглаженностью и скупостью эмоциональных проявлений, снижением потребности в межличностной коммуникации, отсутствием привязанности к окружающим, обеднённой смысловой сферы при ее своеобразии, низкая критичность. Агрессивность, враждебность, переживание ненависти к окружающим сочетались с негативной самоидентичностью и отрицательным отношением к себе; а ранимость и чувствительность к внешним воздействиям – со сниженной способностью к эмпатии. Отмечалась склонность к рискованному поведению, ригидность установок, снижение критичности к своему состоянию, а также трудности волевого контроля своих поведенческих проявлений, фиксация на негативно окрашенных переживаниях, подозрительность, ожидание негативного отношения со стороны окружающих, склонность к совершению внешне маломотивированных действий.

Формирование *личностной патологии* у несовершеннолетних характеризовалось мозаичностью клинической картины, сложными взаимоотношениями со сверстниками, родителями и педагогами, сочетанием с делинквентными формами поведения. Развитие психопатологической симптоматики сопровождалось сужением круга общения, замкнутостью, снижением интереса к учебе, изменениями во внешности и т.п. Это происходило, как правило, на фоне субъективно нарастающего ощущения отчуждённости, непонимания, отвержения, травли (иногда имевшей место в реальности, а зачастую являющейся результатом искаженного восприятия подростком его социального взаимодействия). На фоне пониженного настроения, озабоченности судебной ситуацией, установочных тенденций (нежелания полностью проявлять свои возможности в некоторых методиках, попытках приписывать себе психопатологическую симптоматику и акцентировать имеющиеся психологические трудности) у несовершеннолетних выявлялась формирующаяся личностная дисгармония. При, в целом, положительном восприятии себя, при психологическом исследовании у них обнаруживалась декларируемая сниженная самооценка, тревожность, ранимость, эмоциональная чувствительность наряду с пониженной эмпатией, своеобразии взглядов и интересов, недоверчивость, ожидание негативного отношения к себе со

сверстниками; desire for solitude; adolescents experienced significant difficulties interacting with peers in schools/colleges, did not have close friends, and were often rejected by their peers. During the psychological study, attention was paid to the peculiarities of the emotional-volitional sphere of adolescents, which were characterized by smoothness and stinginess of emotional manifestations, a decrease in the need for interpersonal communication, a lack of attachment to others, impoverishment of the semantic sphere despite its originality, and low criticality. Aggression, hostility, and the experience of hatred towards others were combined with a negative self-identity and a negative attitude towards oneself; and vulnerability and sensitivity to external influences – with a reduced ability to empathize. There was a tendency to risky behavior, rigid attitudes, decreased criticality of one's condition, as well as difficulties in volitional control of one's behavioral manifestations, fixation on negatively colored experiences, suspicion, expectation of a negative attitude from others, and a tendency to perform seemingly unmotivated actions.

The formation of *personal pathology* in minors was characterized by a mosaic clinical picture, complex relationships with peers, parents and teachers, and a combination with delinquent forms of behavior. The development of psychopathological symptoms was accompanied by a narrowing of social circles, isolation, decreased interest in studies, changes in appearance, etc. This happened, as a rule, against the background of a subjectively growing feeling of alienation, misunderstanding, rejection, bullying (sometimes taking place in reality, and often resulting from the teenager's distorted perception of his social interaction). Emerging personal disharmony was revealed in minors against the background of low mood, preoccupation with the judicial - investigative situation, and attitudinal tendencies (reluctance to fully demonstrate their capabilities in certain techniques, attempts to attribute psychopathological symptoms to themselves and emphasize existing psychological difficulties). With a generally positive perception of themselves, psychological examination revealed that they had declared low self-esteem, anxiety, vulnerability,

стороны окружающих в сочетании с потребностью в поддержке и принятии близкими, страхом одиночества и изоляции. Обращало на себя внимание наличие страхов склонности к деструкции и депрессивных, аутодеструктивных, аутоагрессивных тенденций. Наряду с проявлением демонстрировать социально приемлемые образцы поведения, следовать нормам и контролировать себя у несовершеннолетнего отмечалась склонность к враждебности, гневу и деструкции, особенно в ситуациях, которые он воспринимал как критику или оспаривание его мнения.

Клиническая картина *органического психического расстройства* отличалась различного рода проявлениями органического синдрома, сочетающимися с конфликтностью, проблемами в межличностных отношениях, колебаниями самооценки, склонностью ожидать негативного отношения со стороны окружающих и враждебностью к ним. Низкий уровень эмпатии, слабая эмоциональная чувствительность к окружающим, аффективная неустойчивость, замкнутость сочетались со своеобразием интересов и смыслов, фиксацией на теме агрессии, жестокости, склонности к фантазированию на эти темы.

Психический статус обследуемых с *депрессивным эпизодом* характеризовался снижением настроения, идеаторной и общей моторной заторможенностью, повышенной утомляемостью, утратой интересов, неспособностью получать удовольствие, социальной отгороженностью, заниженной самооценкой, неуверенностью в себе с пессимистическим видением будущего, наряду с эпизодическими, внешне маломотивированными импульсивными поступками, выраженными суицидальными идеями, расстройствами сна и аппетита, нарушением критической оценки своего состояния и сложившейся ситуации. У несовершеннолетних на первый план выступали особенности их эмоционального состояния, подавленность, склонность к высказыванию суицидальных намерений. Отмечалась охваченность переживаниями, связанными с перенесенными обидами и судебно-следственной ситуацией. Индивидуально-личностные особенности таких подростков характеризовались неуверенностью в себе, повышенной ранимостью, болезненным чувством уязвленного самолюбия. На случающиеся стрессовые события несовершеннолетние реагировали выраженной эмоциональной неустойчивостью и тревогой, испытывали чувство разочарования, были не готовы к целенаправленным действиям. В качестве защитного меха-

emotional sensitivity along with low empathy, unique views and interests, mistrust, expectation of a negative attitude towards themselves from others in combination with the need for support and acceptance by loved ones, fear of loneliness and isolation. There have been revealed fears, a tendency to destruction and depressive, auto-destructive, auto-aggressive tendencies, which was found noteworthy. Along with the manifestation of demonstrating socially acceptable patterns of behavior, following norms and controlling oneself, the minor showed a tendency to hostility, anger and destruction, especially in situations that he perceived as criticism or a challenge to their opinion.

Clinical picture of *organic mental disorder* was distinguished by various kinds of manifestations of the organic syndrome, combined with conflict, problems in interpersonal relationships, fluctuations in self-esteem, a tendency to expect a negative attitude from others and hostility towards them. A low level of empathy, weak emotional sensitivity to others, affective instability, isolation were combined with the originality of interests and meanings, fixation on the topic of aggression, cruelty, and a tendency to fantasize about these topics.

The mental status of subjects *with a depressive episode* was characterized by decreased mood, ideational and general motor retardation, increased fatigue, loss of interests, inability to have fun, social isolation, low self-esteem, self-doubt with a pessimistic vision of the future, along with episodic, outwardly unmotivated impulsive actions expressed suicidal ideas, sleep and appetite disorders, impaired critical assessment of one's condition and the current situation. For minors, the features of their emotional state, depression, and tendency to express suicidal intentions came forward. They were preoccupied with experiences related to past grievances and the judicial and investigative situation. The individual and personal characteristics of such adolescents were characterized by self-doubt, increased vulnerability, and a painful sense of wounded pride. Minors reacted to stressful events with pronounced emotional instability and anxiety, experienced a feeling of disappointment, and were not ready for

низма отмечалось вытеснение истинных причин конфликта.

Общими для всех несовершеннолетних, вне зависимости от наличия или отсутствия психических расстройств (а при их наличии – независимо от нозологии) являлись следующие характеристики – формирование навязчивых и / или сверхценных идей и увлечение деструктивным интернет-контентом, как правило, с агрессивной и аутоагрессивной тематикой. Также у 77,3% (n=17) в клинической картине отмечались те или иные проявления суицидального поведения – от суицидальных мыслей, намерений и планов до суицидальной попытки / попыток или завершённого суицида (один несовершеннолетний, которому проводилась посмертная судебная комплексная психолого-психиатрическая экспертиза), как у подростков с психическими расстройствами, так и признанных психически здоровыми.

Обращает на себя внимание, что суицидальное поведение формировалось постепенно, как правило, в течение 1-1,5 лет. Мыслями и намерениями несовершеннолетние делились со своими сверстниками или в социальных сетях: «скучно, и...готов умереть», «всё обыденно, никаких перспектив в жизни нет», «было бы хорошо устроить Колумбайн»; «я хочу себя убить, весь мир – галлюцинация»; «зачем меня удерживают от смерти, так как рано или поздно всё равно это произойдёт», при этом встречались высказывания, что «... для меня самоубийство это слишком мелко, хочу покончить с жизнью в стиле «Колумбайн».

В анамнезе у 5 несовершеннолетних отмечались неоднократные покушения на самоубийство (попытки повешения, отравления, вскрытие вен), нередко сочетаемые с несуйцидальными самоповреждениями. Так, один из обследованных сообщил, что «... с 7 класса стали появляться мимолётные мысли о нежелании жить, которые в течение года усилились, 3 или 4 раза резал вены, это успокаивало, снимало напряжение», «пробовал отравиться – принял большое количество таблеток феназепама. Другой несовершеннолетний отмечал, что «много раз резал вены», демонстрируя глубокие рубцы на предплечьях, пытался покончить с жизнью самоубийством путём повешения, взял «... неудачную веревку, и она оборвалась, понял, что это был знак и больше не пытался повторить это, но мысли о суициде, как решении всех проблем, не проходили ...». В момент совершения нападения на образовательные учреждения эти подростки намеревались «довести начатое до конца –

purposeful actions. Repression of the true causes of the conflict was noted as the main defense mechanism.

The following characteristics were common to all minors, regardless of the presence or absence of mental disorders (and, if present, regardless of nosology) – the formation of obsessive and/or overvalued ideas and a passion for destructive Internet content, usually with aggressive and auto-aggressive themes. Also, 77.3% (n = 17) had certain manifestations of suicidal behavior in their clinical picture – from suicidal thoughts, intentions and plans to suicide attempt/attempts or completed suicide (one minor who underwent a post-mortem forensic comprehensive psychological and psychiatric examination), both in adolescents with mental disorders and those recognized as mentally healthy.

It is noteworthy that suicidal behavior developed gradually, usually over 1-1.5 years. Minors shared their thoughts and intentions with their peers or on social networks: “bored, and...ready to die,” “everything is ordinary, there are no prospects in life”, “it would be nice to make up another Columbine”; “I want to kill myself, the whole world is a hallucination”; “Why are they keeping me from dying, sooner or later this will happen anyway,” while there were statements that “...for me, suicide is too small, I want to end my life in the Columbine style.”

In the anamnesis, 5 minors had reported repeated attempts to commit suicide (hanging, poisoning, cutting veins), often combined with non-suicidal self-harm. Thus, one of the subjects reported that “... from the 7th grade, fleeting thoughts about not wanting to live began to appear, which intensified during the year, he cut his veins 3 or 4 times, it calmed him down, relieved tension,” “I tried to poison myself and took a large number of phenazepam tablets. Another minor noted that he “cut his veins many times,” showing deep scars on his forearms, tried to commit suicide by hanging, took “... a bad rope and it tore up, so he realized that it was a sign and did not try to repeat it again, but thoughts about suicide as a solution to all problems did not go away...” At the time of the attack on educational institutions, these teenagers intended to “finish what they started – to die.”

умереть».

Обращает внимание крайне значимые для личности навязчивые гомицидоманические идеи, а также сверхценные патологические идеи отношения, реформаторства. У несовершеннолетних с расстройствами шизофренического спектра нарастание охваченности сверхценными гомицидоманическими идеями нередко сопровождалось появлением гебоидной симптоматики (ненависть к людям («люди – мусор и грязь, недостойная жить»), постоянными мыслями о совершении массового убийства (желание «вскрыть глотку каждому», «чувствовать ногами тепло крови», «доставать кишки людей», видеть их страдания, слышать «хруст костей») и формирующимися на этом фоне суицидальными тенденциями. Как правило, гомицидоманические сверхценные идеи не имели адресной направленности, а были обращены к социуму в целом: «...лучше этих социально гниющих тварей сразу убить и сделать суицид, чем сделать только суицид». Подобные тенденции были характерны и для лиц с другими нарушениями психического здоровья. Так, у несовершеннолетних с формирующейся личностной патологией после конфликтных ситуаций и ссор в школе, семье усиливалось чувство внутреннего напряжения, и, наряду с учащением на этом фоне агрессивных высказываний, ранее периодически возникающие суицидальные мысли и намерения приобретали более реалистичный характер, подростки начинали продумывать конкретный план ухода из жизни. Это происходило, как правило, на фоне нарастающего ощущения отчужденности, непонимания, отвержения, травли (иногда имевшей место в реальности, а иногда и являющейся результатом искаженного восприятия подростком особенностей его взаимоотношений с окружающими). Так, один из подэкспертных отмечал «...стали копиться злость и ненависть к окружающим, которые никуда не выплескивались...», неоднократно «хотел себе полоснуть ножом по горлу», но не смог этого сделать. Формирующиеся сверхценные идеи несовершеннолетних с органическими расстройствами не отличались масштабностью, фокусировались сугубо вокруг личных мотивов («меня никто не понимал, все только посмеивались», «считал себя никому не нужным, не хотелось жить, постоянно думал, чтобы убить своих обидчиков»). Центрируясь на «обидях», нанесённых конкретными сверстниками, в ситуации совершения нападения на школу в качестве жертв подростки сознательно выбирали детей начальных классов, поскольку «мало-

Our attention was drawn to the obsessive, extremely significant for the individual homicidomaniac ideas, as well as overvalued pathological ideas of attitude and reformism. In minors with schizophrenia spectrum disorders, an increase in the prevalence of overvalued homicidomaniac ideas was often accompanied with heboid symptoms (hatred of people (“people are trash and dirt, unworthy of living”), constant thoughts of committing mass murder (the desire to “open everyone’s throat,” “feel warmth of blood under your feet”, “getting people’s guts out”, seeing their suffering, hearing “crunching of bones”) and the suicidal tendencies forming against such background. As a rule, homicidal overvalued ideas were not targeted, but were addressed to society as a whole: “...it is better to immediately kill these socially rotting creatures and commit suicide, rather than to commit suicide only”, and, along with the increase in aggressive statements against this background, previously periodically occurring suicidal thoughts and intentions acquired a more realistic character, adolescents began to think through a specific plan for leaving life. This was caused, as a rule, by a growing feeling of alienation, misunderstanding, rejection, bullying (sometimes taking place in reality, and sometimes resulting from the teenager’s distorted perception of the features of their relationships with others). For example, one of the convicts noted “...anger and hatred towards others began to accumulate and it did not spill out anywhere...”, repeatedly “I wanted to slash myself in the throat with a knife,” but could not do it. The emerging highly valuable ideas of minors with organic disorders were not large-scale, they focused purely on personal motives (“nobody understood me, everyone just laughed,” “I considered myself useless to anyone, I didn’t want to live, I was constantly thinking about killing my offenders”). Focusing on the “grievances” inflicted by specific peers, in the situation of an attack on a school, teenagers deliberately chose primary school children as victims, since “young children will not resist, thus I can kill more people.” Here is how one of the minors explained the reason for his choice of victims: “I always wanted to do something to the small children, as small children as possible,” “Some-

летки не окажут сопротивления, смогу больше человек убить». Так, один из несовершеннолетних причину такого выбора жертв пояснял: «Всегда хотелось что-то сделать детям, маленьким, как можно меньше», «Иногда стоял у детского сада и наблюдал за детьми, хотелось посмотреть, как будет литься кровь». О последствиях своих действий этот подросток «не думал, так как собирался совершить самоубийство». Гетероагрессивные тенденции у таких лиц также формировались сочетано с аутоагрессивными («1-1,5 года назад появилось желание убить кого-то, а затем себя», «хотел убить много людей, а потом себя»), нередко усугублялись на фоне употребления алкогольных напитков.

В целом, анализ динамики формирования суицидального поведения несовершеннолетних, планировавших или осуществивших нападения на образовательные организации, позволяет выявить в ряде случаев как один из финальных этапов – осуществление сочетанного гетеро- и аутоагрессивного действия. При этом существующее в течение некоторого времени суицидальное намерение усиливается / дополняется замыслом совершить агрессивный поступок, который бы явился «гарантом» реализации аутоагрессии. Так, подросток 16 лет (диагноз F25.1) в течение полутора лет вёл дневниковые записи, где писал «все люди мусор и грязь недостойная жить», в целом говорил о необходимости «смерти всего живого», описывал когда, где и как хочет умереть, указывал, что «жизнь – это страдание, и каждый должен страдать», описывал свои суицидальные мысли, неоднократное причинение себе порезов, желание испытывать боль и при этом «уйти красиво». В процессе приготовления самодельного взрывного устройства для намеченного на нападения на школу потерпел неудачу, чуть не устроил пожар в доме, после чего предпринял суицидальную попытку – нанёс себе несколько порезов в области шеи, рук, живота, потерял сознание и позже был найден матерью. При проведении экспертного обследования причину планируемого противоправного деяния пояснил тем, что в ситуации нападения на школу и убийства одноклассников у него «просто не было бы другого выхода, после этого я бы точно покончил с собой», сообщил, что «парни из Колумбайна» у него восхищения не вызывали, но он хотел совершить «что-то подобное, после чего точно не захочется жить, то есть то, что не остановит перед суицидом, таким образом, оборвать связь с этим миром».

times I stood at the kindergarten and watched the kids, I wanted to see how the blood would flow.” This teenager “didn’t think about the consequences of his actions, because he was going to commit suicide.” Hetero-aggressive tendencies in such individuals were also formed in combination with auto-aggressive ones (“1-1.5 years ago, a desire appeared to kill someone, and then myself,” “I wanted to kill a lot of people, and then myself”), often aggravated by the use of alcoholic beverages.

In general, the analysis of the dynamics of the formation of suicidal behavior of minors who planned or carried out attacks on educational organizations allows us to identify in a number of cases one of the final stages – the implementation of a combined hetero- and auto-aggressive action. At the same time, the suicidal intention that has existed for some time is intensified / supplemented by the intention to commit an aggressive act, which would be a “guarantor” of the implementation of auto-aggression. Thus, a 16-year-old teenager (diagnosis F25.1) kept diary entries for a year and a half, where he wrote “all people are trash and dirt unworthy of living,” generally spoke about the need for “the death of all living things,” described when, where and how he wanted to die, pointed out that “life is a suffering, and everyone must suffer,” described his suicidal thoughts, repeated self-cutting, the desire to experience pain and at the same time “leave gracefully.” In the process of preparing an improvised explosive device for the planned attack on the school, he failed, almost started a fire in the house, after which he made a suicide attempt – he inflicted several cuts on himself in the neck, arms, and abdomen, lost consciousness and was later found by his mother. During an expert examination, he explained the reason for the planned illegal act by saying that in a situation of attack on a school and murder of classmates, he “simply would have had no other choice other than definitely commit suicide”. He also said that the guys from Columbine didn’t inspire admiration, but he wanted to do “something like that, after which you definitely won’t want to live, that is, something that won’t stop you from committing suicide, thus cutting ties with this world.”

Ещё один подросток (диагноз F20.006), чьё нападение на школу также было предупреждено, при обследовании сообщил, что это был неплохой шанс «отомстить за все годы» и «умереть самому и захватить с собой ненавистный биомусор» (планировал после расстрела детей застрелиться из ружья), впоследствии высказывал сожаление, что не смог всё это выполнить и «наконец-то обрести покой» (умереть). Другой несовершеннолетний (диагноз F25.2), совершивший нападение на школу вдвоём с другом, сообщил, что они запланировали после убийства детей и учителей нанести друг другу ножевые ранения с летальной целью, и после того, как, в соответствии с этим планом, его напарник ему «порезал горло» – «испытал облегчение..., понял, что умираю, а я шёл именно за этим, чтобы умереть».

Для части несовершеннолетних с органическими расстройствами суицид также предполагался как «финал» гетероагрессивного деяния. Так, один из подростков сообщал, что за год до этого «уже хотел совершить самоубийство, воткнуть нож в шею, но испугался и не смог», а в процессе нападения на школу, и нанесения ножевых ранений детям, обливал бензином и поджигал класс, у него постоянно «крутилась мысль, как быстро умереть». Однако, когда появилось пламя, и пошёл чёрный дым, то «почему-то» выбежал из класса, спускаясь по лестнице, понял, что «здесь он точно сможет умереть», канцелярским ножом стал наносить себе порезы в области шеи. Сообщал, что когда очнулся, то «очень пожалел, что не умер». В деле ещё одного подростка с формирующимся личностным расстройством (диагноз F61.03) есть свидетельства очевидцев, которые слышали, что во время применения заготовленных взрывных устройств и емкостей с зажигательной смесью он кричал прячущимся от него детям «я не хочу вас убивать, и хочу сдохнуть сам», «я пришёл сюда, чтобы сдохнуть!»

Результаты анализа ауто- и гетероагрессивного поведения исследуемых также свидетельствуют, что все подростки в течение достаточно длительного времени увлекались просмотром деструктивного контента, запрещенных сайтов. Они демонстрировали приверженность субкультуре «Колумбайн¹» – как внешне (используя внешнюю атрибутику нападавших), так и поведенчески – регулярно просматривали видеоролики о массовых убийствах в школах, обсуждали лиц, их совершивших, вели в социальных

Another teenager (diagnosis F20.006), whose attack on the school was also prevented, during the examination said that this was a good chance to “take revenge for all the years” and “die taking the hated bio-waste with him” (he planned to shoot himself after shooting the children from a gun), subsequently expressed regret that he could not accomplish all this and “finally find peace” (die). Another minor (diagnosis F25.2), who attacked a school together with a friend, reported that they planned, after killing children and teachers, to stab each other with lethal intent, and after, in accordance with this plan, his partner “cut his throat” – “I was relieved... I realized that I was dying, and that’s what I was going for, to die.”

For some minors with organic disorders, suicide was also assumed to be the “finale” of a hetero-aggressive act. Thus, one of the teenagers reported that a year before, “he already wanted to commit suicide by sticking a knife in his neck, but he was scared and couldn’t do it” and in the process of attacking a school and stabbing children, he doused the classroom with gasoline and set fire to it while constantly thinking about “how to die quickly.” However, when a flame appeared and black smoke began to emerge, “for some reason” he ran out of the class, going down the stairs, realized that “he could definitely die here,” and began cutting himself in the neck area with a utility knife. He reported that when he woke up, he “really regretted not having died.” In the case of another teenager with an emerging personality disorder (diagnosis F61.03), the eyewitness heard that during the use of prepared explosive devices and Molotov cocktails, he shouted to the children hiding from him, “I don’t want to kill you, I want to die myself”, “I came here to die!”

The results of the analysis of self- and hetero-aggressive behavior of the subjects also indicate that all teenagers for quite a long time were addicted to viewing destructive content and prohibited sites. They demonstrated adherence to the Columbine subculture¹ – both externally (using the external attributes of the attackers) and behaviorally – regularly watched videos of

¹ Террористическая организация, запрещенная в России / Terrorist organization banned in the Russian Federation.

сетях переписку, содержащую агрессивные и суицидальные высказывания, обсуждение плана захвата школы. Для части этих подростков было характерно сопереживание и одобрение не только «школьным стрелкам» («даже начал сопереживать стрелку»; обнаружил с ним «внешнее сходство»), начал искать информацию о биографии, взглядах, в результате чего понял, что «мы близки по духу», «они красиво все сделали...»), но и к сайтам террористической и экстремистской направленности (смотрел документальные фильмы про террористические акты, кто-то из террористов даже был кумиром).

В группе несовершеннолетних, демонстрирующих те или иные варианты суицидального поведения, ранее к врачу-психиатру обращались только четверо. Лишь один подросток находился в группе динамического наблюдения у врача-психиатра психоневрологического диспансера с грубой задержкой психического развития с детского возраста и клинической верификацией психического расстройства в рамках «Органического расстройства личности» до совершения противоправных деяний. Причинами обращения других несовершеннолетних к психиатру были тревожность, поведенческие нарушения и симптомы депрессии. Следует отметить, что в части случаев (6 обследуемых), педагоги школы, классный руководитель обращались к родителям с рекомендациями о необходимости консультации ребёнка врачом-психиатром в связи с выраженными нарушениями поведения и отсутствием взаимопонимания с одноклассниками, однако родители на приём к врачу-психиатру с подростком не обращались.

На консультативном учёте у нарколога в наркологическом диспансере с заключением «Пагубное употребление нескольких психоактивных веществ (ПАВ) (каннабиноиды, алкоголь) состоял один несовершеннолетний. Об употреблении тех или иных ПАВ (никотин, алкоголь, наркотические вещества) в целом сообщили четверо обследуемых. Среди подростков, осуществивших ауто- и гетероагрессивные действия, за короткое время до совершения деяния трое употребляли алкоголь (дозы были небольшими, опьянения не чувствовали). Большинство (76,5%) подростков проживали в полных семьях, остальные – с матерями. При этом отношения с отцами, как правило, поддерживались. Формально большинство семей характеризовались благополучными, неконфликтными, только в одной семье к ребёнку применялось физическое насилие. При этом зачастую подростки сообщали о непонимании родителями, взаи-

massacres in schools, discussed the perpetrators of them, carried out correspondence on social networks containing aggressive and suicidal statements, and discussed the plan school siege. Some of these teenagers were characterized by empathy and approval not only of “school shooters” (“I even began to empathize with the shooter”; discovered an “external resemblance” to him, began to look for information about his biography, views, as a result of which he realized that “we are close in spirit”, “they did everything beautifully ...”), but also to sites with a terrorist and extremist orientation (I watched documentaries about terrorist acts, some of the terrorists were even an idol).

In the group of minors demonstrating certain variants of suicidal behavior, only four teenagers had previously consulted a psychiatrist. Only one teenager was in the dynamic observation group of a psychiatrist at a psychoneurological dispensary with severe mental retardation since childhood and clinical verification of a mental disorder within the framework of “Organic personality disorder” before committing illegal acts. Other juveniles' reasons for seeking mental health care included anxiety, behavioral disturbances, and depressive symptoms. It should be noted that in some cases (6 subjects), school teachers and the class teacher contacted parents with recommendations about the need to consult a child with a psychiatrist due to severe behavioral disorders and lack of mutual understanding with classmates, but parents did not agree to see a psychiatrist. The teenager was not contacted.

One minor was registered with a narcologist at a narcological clinic with the conclusion “Harmful use of several psychoactive substances (PAS) (cannabinoids, alcohol). Only four subjects in total were reported to have used certain surfactants (nicotine, alcohol, drugs). Among the adolescents who committed auto- and hetero-aggressive actions, three drank alcohol in a short time before committing the act (the doses were small, they did not feel intoxicated). The majority (76.5%) of adolescents lived in two-parent families, the rest lived with their mothers. At the same time, they communicated with fathers. Formally, most families were characterized as prosperous

моотношения характеризовали как «сложные, напряжённые, не доверительные», «дома не видят, не понимают, я как вещь нужен только тогда, когда надо убрать, вынести мусор», описывали конфликты из-за бытовых причин. В целом же, характеризуя собственное межличностное взаимодействие, несовершеннолетние гораздо больше внимания уделяли проблемам взаимодействия со сверстниками, чем с родителями.

Изучение взаимосвязей между индивидуально-психологическими особенностями подростков с социально опасным поведением и суицидальными намерениями с помощью коэффициента корреляции Спирмена показало наличие связи высокой степени значимости ($r=0,88$) между суицидальными намерениями и увлечением сайтами деструктивной направленности, оправдывающими или пропагандирующими совершение противоправных действий. Помимо этого, выявлены корреляционные связи средней степени значимости между увлечением подобным деструктивным контентом и такими психологическими характеристиками, как тревожность ($r=0,53$) и обидчивость ($r=0,59$). Данные факты демонстрирует особенности взаимодействия подростков в социальной среде, когда внутренняя изолированность, неумение строить адекватные социальные связи создают почву для развития сверхценных идей, подпитываемых содержанием сайтов соответствующей направленности, что приводит к непродуктивным / деструктивным формам поведения.

Обсуждение

Проведение КСППЭ показало наличие нарушений психического здоровья у 86,4% обследуемых. Среди психических расстройств, установленных несовершеннолетним в ходе КСППЭ, чаще других отмечались расстройства шизофренического спектра и формирующаяся личностная патология. Клиническая картина психических нарушений, помимо основных психопатологических симптомов, включала формирование навязчивых и / или сверхценных идей, увлечение деструктивным интернет-контентом. В 77,3% выявлялись те или иные проявления суицидального поведения – как у подростков с психическими расстройствами, так и признанных психически здоровыми, что подтверждает утверждение, что суицидальное поведение, само по себе являясь отдельным клиническим феноменом, сопровождается весь континуум «норма-психическая патология» [18]. Почерпнутые из информационной «деструктивной» среды идеи сопровождались внутренней пере-

and conflict-free; only in one family physical violence was used against a child. At the same time, teenagers often reported a lack of understanding by their parents, the relationship was characterized as “complicated, tense, not trusting”, “they don’t see me at home, they don’t understand me, I’m needed as a thing only when I need to clean up or take out the trash”, they described conflicts over everyday reasons. In general, when characterizing their own interpersonal interaction, minors paid much more attention to the problems of interaction with peers rather than with their parents.

The study of the relationship between the individual psychological characteristics of adolescents with socially dangerous behavior and suicidal intentions using the Spearman correlation coefficient showed the presence of a highly significant connection ($r=0.88$) between suicidal intentions and passion for destructive sites that justify or promote the commission of illegal actions. In addition, correlations of medium significance were identified between fascination with such destructive content and such psychological characteristics as anxiety ($r=0.53$) and touchiness ($r=0.59$). These facts demonstrate the peculiarities of the interaction of adolescents in a social environment, when internal isolation and inability to build adequate social connections create the ground for the development of highly valuable ideas, fueled by the content of sites of a corresponding focus, which leads to unproductive / destructive forms of behavior.

Discussion

Carrying out CFPPE showed the presence of mental health disorders in 86.4% of the subjects. Among the mental disorders identified in minors during the CFPPE, schizophrenia spectrum disorders and emerging personality pathology were most often noted. The clinical picture of mental disorders, in addition to the main psychopathological symptoms, included the formation of obsessive and/or overvalued ideas, passion for destructive Internet content. In 77.3%, certain manifestations of suicidal behavior were identified – both in adolescents with mental disorders and those recognized as mentally healthy, which confirms the assertion that suicidal behavior, in itself being a separate clinical phenomenon,

работкой, психопатологическими переживаниями и трансформируются в ауто- и / или гетероагрессивный поступок. Общаясь в среде «единомышленников», нередко являясь активными участниками группы, подростки оказываются мотивированными не только желанием внимания или признания, мести окружающим, но и стремлением совершить в конечном итоге самоубийство как единственный (в собственных представлениях) способ решения их проблем [16]. В подобных случаях речь может идти о сверхценных интересах, увлечениях, ненависти, сверхценной переоценке собственной личности, а также о сверхценных чувствах изгойности, неуверенности в себе, ранее описанных как феномены, характерные для подросткового возраста [19, 20].

У большинства подростков, совершивших или готовящих нападение на образовательные организации, выявлялась определённая фиксация на предыдущих обидах, унижениях со стороны сверстников и учителей. Взаимодействие со сверстниками воспринимается подростками как проблемное и / или исключительное. Изоляция от сообщества нередко сопровождается сильной потребностью в общественном признании, что, в свою очередь, стимулирует поиск новых социальных групп, которые одобряют формирующиеся убеждения об угрозах личной неприкосновенности и разделяют / поощряют мотивы «возмездия». Общим фактором является несоответствие между реальным и идеальным Я, что приводит к накоплению внутреннего напряжения, при этом для того, чтобы справиться с ним, подростки, в силу индивидуальных особенностей и / или имеющегося психического расстройства прибегают к экстремальным стратегиям совладания. Обиды и накапливающееся напряжение, в ситуации отсутствия сдерживающих связей (теплых семейных и дружеских отношений) определяют внутреннюю «готовность» для иных идеологических контекстов и альтернативных мировоззрений. «Последней каплей» становится очередное реальное или воображаемое психотравмирующее событие, после чего наступает этап планирования и реализации ауто- и гетероагрессивного поступка. Складывающаяся негативная психическая напряженность, как правило, связана с высоким уровнем тревоги. Стремление к снижению тревоги может объяснять появление гетероагрессивных тенденций (как возможность почувствовать себя сильным на какое-то время) и аутоагрессивности, отражающей негативные переживания, связанные с комплексом неполноценности. Попытки снизить трево-

accompanies the entire continuum of “normal-mental pathology” [18]. Ideas drawn from the information “destructive” environment were accompanied with internal processing, psychopathological experiences and are transformed into auto- and / or hetero-aggressive acts. Communicating among “like-minded people”, often being active participants in the group, adolescents find themselves motivated not only by the desire for attention or recognition, revenge on others, but also by the desire to ultimately commit suicide as the only (in their own minds) way to solve their problems [16]. In such cases, we can talk about overvalued interests, hobbies, hatred, overvalued revaluation of one’s own personality, as well as overvalued feelings of ostracism, self-doubt, previously described as phenomena characteristic of adolescence [19, 20].

The majority of teenagers who committed or were preparing an attack on educational organizations showed a certain fixation on previous insults and humiliation from peers and teachers. Interactions with peers are perceived by adolescents as problematic and/or exclusionary. Isolation from the community is often accompanied by a strong need for social recognition, which, in turn, stimulates the search for new social groups that approve of emerging beliefs about threats to personal integrity and share/encourage motives of “retribution.” A common factor is the discrepancy between the real and ideal *self*, which leads to the accumulation of internal tension, and in order to cope with it, adolescents, due to individual characteristics and / or existing mental disorder, resort to extreme coping strategies. Resentment and accumulating tension, in a situation where there are no restraining ties (warm family and friendships), determine the internal “readiness” for other ideological contexts and alternative worldviews. The “last straw” is the next real or imagined traumatic event, after which the stage of planning and implementation of auto- and hetero-aggressive acts begins. The emerging negative mental tension is usually associated with a high level of anxiety. The desire to reduce anxiety may explain the emergence of hetero-aggressive tendencies (as an opportunity to feel strong for a while) and autoaggression, reflecting negative experiences associated with an

гу, рационализировать, объяснить и оправдать свою агрессивность находят отражение в формировании сверхценных идей и отстаивание их правоты [21].

Изучение особенностей суицидальной составляющей деяния «убийство-самоубийство» у несовершеннолетних в контексте нападения на образовательные организации выявляет ситуации, когда подросток пытается «усилить» свою мотивацию и решимость на суицидальное действие попыткой убийства других людей. Подобный сценарий, включающий намерение совершения самоубийства, после казни одной или, как правило, многих жертв, был доказан в инциденте в Колумбайне (Литтлтон, штат Колорадо, США, 20 апреля 1999 года), который и явился началом одноимённой субкультуры [22]. Зачастую мотивы совершения постгомицидных самоубийств трудно определимы, и невозможно однозначно сказать, являлось ли самоубийство первичным и было ли доминирующей идеей, способствующей убийству, или изначально не планировалось, но совершилось из-за извращения самоконтроля, страха строгого уголовного наказания [23]. Данный феномен требует дальнейшего изучения, особенно в контексте его соотнесения с клинико-психопатологическими и психологическими характеристиками несовершеннолетних.

Ограничениями проведённого исследования является, прежде всего, небольшой объём выборки (обусловленный, в целом, объективными причинами, в том числе частотой встречаемости обсуждаемых правонарушений), а также отсутствием в комплексе клинико-психологического обследования клинических шкал и опросников, позволяющих некоторым образом «объективизировать» обсуждаемые клинические феномены, оценить их степень выраженности и клиническую динамику. Данный аспект является перспективой исследований особенностей гетеро- и аутоагрессивного поведения несовершеннолетних в контексте разработки подходов как своевременной диагностики и терапии, так и превенции и профилактики.

Заключение

Проведённое исследование позволило определить структуру психических расстройств у несовершеннолетних с ауто- и гетероагрессивным криминальным поведением, повергшихся комплексному судебному психолого-психиатрическому освидетельствованию в связи с привлечением их к уголовной ответственности. В клинической картине психических расстройств доминировали разнообразные

inferiority complex. Attempts to reduce anxiety, rationalize, explain and justify one's aggressiveness are reflected in the formation of highly valuable ideas and defending their correctness [21].

The study of the characteristics of the suicidal component of the act of “murder-suicide” in minors in the context of attacks on educational organizations reveals situations when a teenager tries to “strengthen” his motivation and determination to commit suicide by attempting to kill other people. A similar scenario, including the intention to commit suicide, after the execution of one or, as a rule, many victims, was proven in the Columbine incident (Littleton, Colorado, USA, April 20, 1999), which was the beginning of the subculture of the same name [22]. Often, the motives for committing post-homicidal suicides are difficult to determine, and it is impossible to say unambiguously whether the suicide was primary and whether it was the dominant idea contributing to the murder, or whether it was not initially planned, but was committed due to a perversion of self-control, fear of strict criminal punishment [23]. This phenomenon requires further study, especially in the context of its correlation with the clinical, psychopathological and psychological characteristics of minors.

The limitations of the study are, first of all, the small sample size (due, in general, to objective reasons, including the frequency of occurrence of the offenses discussed), as well as the absence of clinical scales and questionnaires in the complex of clinical and psychological examination that would allow in some way to “objectify” the discussed clinical phenomena, assess their severity and clinical dynamics. This aspect is a prospect for research into the characteristics of hetero- and auto-aggressive behavior of minors in the context of developing approaches to both timely diagnosis and therapy, as well as prevention and prophylaxis.

Conclusion

The study made it possible to determine the structure of mental disorders in minors with auto- and hetero-aggressive criminal behavior who were subjected to a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination in connection with their prosecution. The clinical picture of

навязчивые / сверхценные гомицидоманические идеи, нарушения межличностного взаимодействия, ощущения отчужденности / отвержения, нарастание охваченности темой смерти и суицидальными намерениями, увлечение интернет-ресурсами с выраженной ауто- и гетероагрессивной тематикой. Показано особое десоциализирующее влияние на несовершеннолетних деструктивного контента, провоцирующего психически и психологически незрелых подростков к реализации деструктивных поведенческих паттернов.

Исследование сочетания ауто-и гетероагрессивных действий несовершеннолетних одной из задач ставит превенцию подобных действий и / или их раннее выявление. На настоящий момент не существует надёжного метода прогнозирования совершения подобного насилия подростком в будущем, применяемые диагностические инструменты имеют высокий риск как ложноположительных, так и ложноотрицательных результатов и связанные с этим этические проблемы.

Состояние психического здоровья несовершеннолетних должно являться объектом более пристального внимания специалистов, поскольку выявляемые его нарушения являются длительно формирующимися и потенциально корректируемыми (в аспектах стабилизации психического состояния и превенции ауто- и гетероагрессии) при своевременной диагностике и правильно выбранной терапевтической тактике.

Литература / References:

1. Голенков А.В., Зотов П.Б. Самоубийство после убийства. Монография. Москва: ГЭОТАР-медиа, 2024. 240 с. [Suicide after murder. Monograph. Moscow: GEOTAR-media, 2024. 240 p.] (In Russ) ISBN: 978-5-9704-7975-9
2. Михайлова Е.В. Криминологическая характеристика вооруженных нападений в образовательных учреждениях Российской Федерации (schoolshooting). *Научный вестник Омской академии МВД России*. 2021; 1 (80): 20-25. [Mikhailova E.V. Criminological Characterization of Armed Attacks in Educational Institutions of the Russian Federation (schoolshooting) *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia = Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*. 2021; 1 (80): 20-25.] (In Russ) DOI: 10.24411/1999-625X-2021-11004
3. Макушкин Е.В., Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С. и др. Выявление медико-психологических индикаторов неблагополучия у подростков для обеспечения безопасности образовательной среды и превенции ауто- и гетероагрессивного поведения. *Общественное здоровье*. 2022; 2 (1): 15-26. [Makushkin E.V., Dozortseva E.G., Oshevsky D.S., et al. Identification of medical and psychological indicators of trouble in adolescents to ensure the safety of the educational environment and the prevention of auto- and hetero-aggressive behavior. *Public health = Obshchestvennoye zdorov'ye*. 2022; 2 (1): 15-26.] (In Russ) DOI: 10.21045/2782-1676-2021-2-1-15-26
4. Katsiyannis A., Rapa L. J., Whitford D.K., et al. An Examination of US School Mass Shootings, 2017-2022: Findings and Implications *Adv. Neurodev. Disord.* 2023; 7: 66-76. DOI: 10.1007/s41252-022-00277-3
5. Irwin V., Wang K., Cui J., Thompson A. Report on indicators of school crime and safety: 2021 (NCES 2022-092/NCJ 304625). National Center for Education Statistics, U.S. Department of Education, and Bureau of Justice Statistics, Office of Justice Programs, U.S. Department of Justice. Washington, DC. 2022. from <https://nces.ed.gov/pubsearch/pubinfo.asp?pubid=2022092>
6. Суходольская Ю.В. Причины совершения актов скулшутинга и способы их предупреждения [Электронный ресурс] 2021. URL: <http://crimas.ru/wp-content/uploads/2021/09/Sukhodolskaya-Prichinysoversheniya-aktov-skulshutinga-.pdf> (дата

- обращения: 10.01.2021) [Sukhodolskaya Yu.V. The reasons for the commission of acts of schoolshooting and ways to prevent them. 2021. URL: <http://crimas.ru/wp-content/uploads/2021/09/Sukhodolskaya-Prichinysoversheniya-aktov-skulshutinga-.pdf> (date of application: 10.01.2021)] (In Russ)
7. Vossekuil B., Fein R., Reddy M., et al. The final report and findings of the safe school initiative: implications for the prevention of school attacks in the United States. Washington DC: United States Secret Service and United States Department of Education. 2002.
 8. Theodorou A., Sinclair H., Ali S., et al. A systematic review of literature on homicide followed by suicide and mental state of perpetrators. *Crim Behav Ment Health*. 2024; 34 (1): 10-53. DOI: 10.1002/cbm.2322
 9. Махмутова Л.Р., Семенова И.В. Феномен романтизации личности скулшутера среди подростков. *Союз криминалистов и криминологов*. 2021; 3: 151-159. [Makhmutova L.R., Semenova I.V. The Phenomenon of Romanticization of the Personality of a School Shooter Among Teenagers. *Union of Criminologists and Criminologists = Soyuz kriminalistov i kriminologov*. 2021; 3: 151-159.] (In Russ)
 10. Simon A. Application of fad theory to copycat crimes: quantitative data following the Columbine massacre. *Psychol Rep*. 2007; 100: 1233-1244.
 11. Lindberg N., Sailas E., Kaltiala-Heino R. The copycat phenomenon after two Finnish school shootings: an adolescent psychiatric perspective. *BMC Psychiatry*. 2012; 12: 91. DOI: 10.1186/1471-244X-12-91
 12. Malkki L. Political Elements in Post-Columbine School Shootings in Europe and North America. *Terrorism and Political Violence*. 2014; 26 (1): 185-210.
 13. Суходольская Ю.В. Скулшутинг как самостоятельный криминологический феномен. *Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации*. 2020; 3 (77): 117-120. [Sukhodolskaya Yu.V. Schoolshooting as an independent criminological phenomenon. *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation = Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii*. 2020; 3 (77): 117-120.] (In Russ)
 14. Давыдов Д.Г., Хломов К.Д. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика. *Национальный психологический журнал*. 2018; 4 (32): 62-76. [Davydov D.G., Khlomov K.D. Massacres in educational institutions: mechanisms, causes, prevention. *National Psychological Journal = Natsional'nyu psikhologicheskii zhurnal*. 2018; 4: 62-76.] (In Russ) DOI: 10.11621/npj.2018.0406
 15. Карпов В.О. Культ Колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах. *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2018; 9 (4): 442-446. [Karpov V.O. Cult of columbine: main reasons for school shooting. *Bulletin of the Kazan Law Institute of the MIA of Russia = Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossi*. 2018; 9 (4): 442-446. DOI: 10.24420/KUI.2018.49.27.001
 16. Бадмаева В.Д., Макушкин Е.В., Александрова Н.А. и др. Клинико-психопатологический анализ подростково-правонарушителей, совершивших социально-резонансные нападения на учебные заведения. *Российский психиатрический журнал*. 2021; 5: 40-51. [Badmaeva V.D., Makushkin E.V., Aleksandrova N.A., et al. Clinical and psychopathological analysis of adolescent offenders who committed socially resonant attacks on educational institutions. *Russian Journal of Psychiatry = Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal*. 2021; 5: 40-51.] (In Russ) DOI: 10.47877/1560-957X-2021-10505
 17. Амелина Я. «Группы смерти» как угроза национальной безопасности России. Аналитический доклад (18+). Кавказский геополитический клуб. М.: Издатель А.В. Воробьев, 2017. 76 с. [Amelina Ya. «Death Groups» as a Threat to Russia's National Security. Analytical Report (18+). Caucasian Geopolitical Club. Moscow: Publisher A.V. Vorobyov, 2017. 76 p.] URL: https://kavkazgeoclub.ru/sites/default/files/pdfpreview/_amelina_-_doklad_po_grupпам_smerти_-_2017_-_end.pdf (date of application: 10.06.2024) (In Russ)
 18. Меринов А.В., Шишкова И.М., Емец Н.А. и др. Суицид и психиатрия: суицидент скорее болен или скорее здоров. Размышления о психиатрической квалификации самоубийств, осознанности действий и истинности намерений. *Суицидология*. 2024; 15 (1): 105-142. [Merinov A.V., Shishkova I.M., Emec N.A. et al. Suicide and psychiatry: the suicidal person is more likely to be ill or rather healthy. Reflections on the psychiatric qualification of suicide, awareness of actions and the truth of intentions. *Suicidology = Suitsidologiya*. 2024; 15 (1): 105-142.] (In Russ / Engl) DOI: 10.32878/suiciderus.24-15-01(54)-105-142
 19. Гурьева В.А., Дмитриева Т.Б., Макушкин Е.В. и др. Клиническая и судебная подростковая психиатрия. М., 2007. 488 с. [Gur'eva V.A., Dmitrieva T.B., Makushkin E.V., et al. *Klinicheskaya i sudebnaya podrostkovaya psikhiatriya*. Moscow; 2007. 488 p.] (In Russ)
 20. Макушкин Е.В., Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г. и др. Комплексная психолого-психиатрическая оценка диагностически сложных психических состояний у несовершеннолетних обвиняемых. Судебно-психиатрическая диагностика. Под ред. Е.В. Макушкина, А.А. Ткаченко. М.: Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского, Москва, 2017. С. 288-385. [Makushkin E.V., Badmaeva V.D., Dozortseva E.G., et al. Comprehensive psychological and psychiatric assessment of diagnostically complex mental conditions in juvenile defendants. Forensic psychiatric diagnostics. Edited by E.V. Makushkin, A.A. Tkachenko. M.: V.P. Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology; Moscow, 2017. p. 288-385]. (In Russ)
 21. Добряков И.В., Лисковский О.В. Механизмы формирования девиантного поведения в современных социокультуральных условиях. *Российский девиантологический журнал*. 2023; 3 (1): 10-16. [Dobriakov I.V., Liskovsky O.V. Mechanisms of deviant behaviour formation in contemporary socio-cultural contexts. *Russian Journal of Deviant Behavior*. 2023; 3 (1): 10-16.] (In Russ) DOI: 10.35750/2713-0622-2023-1-10-16.
 22. Tin D., Issa F., Ciottone G. R. Attacks on Educational Institutions *Prehosp Disaster Med*. 2022; 37 (3): 333-337. DOI: 10.1017/S1049023X22000590
 23. Голенков А.В., Зотов П.Б. Постгомицидные самоубийства: монография. Тюмень: Вектор-Бук, 2022. 424 с. [Golenkov A.V., Zotov P.B. Posthomicidal suicides: monograph. Tyumen: Vector-Book, 2022. 424 p.] (In Russ) ISBN 978-5-91409-563-2

SUICIDAL BEHAVIOR OF MINORS, WHO PLANNED OR COMMITTED THE ATTACK FOR EDUCATIONAL INSTITUTIONS

I.S. Karaush, V.D. Badmaeva, I.A. Chibisova V.P. Serbsky National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology, Moscow, Russia; anir7@yandex.ru

Abstract:

The aim of the article is to analyze the characteristics of suicidal behavior among minors who planned and/or committed attacks on educational institutions. Materials and methods. 22 minors aged 13-18 (21 males) were studied who were accused of or suspected of committing or planning an attack on educational institutions, and who underwent a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination (CFPPE) at the Federal State Budgetary Institution "National Medical Research Center for PN named after. V.P. Serbsky" of the Russian Ministry of Health. *Results.* Mental health disorders were identified in 86.4% of the subjects; schizophrenia spectrum disorders (45.5%) and emerging personality pathology (22.8%) were most often noted. The following characteristics were common to all minors, regardless of the presence or absence of mental disorders: the formation of obsessive and/or overvalued ideas, passion for destructive Internet content, and also, in 77.3% of cases, certain manifestations of suicidal behavior - from suicidal intentions and plans to attempted or completed suicide. A correlation was revealed ($r=0.88$) between suicidal intentions and passion for destructive websites with aggressive and self-aggressive themes. *Conclusion.* The desocializing influence of destructive content on minors is shown, provoking mentally and psychologically immature adolescents to implement aggressive behavioral patterns. Studying the specifics of auto- and hetero-aggressive behavior in minors with various mental health disorders and the factors influencing its formation is the initial link in determining the targets for preventing the commission of socially dangerous acts.

Keywords: minors, mental disorders, auto- and heteroaggression, suicide, destructive content, attacks on educational organizations

Вклад авторов:

И.С. Карауш: обзор публикаций по теме статьи, написание и редактирование текста рукописи, статистический анализ;

В.Д. Бадмаева: разработка дизайна исследования, клиническое обследование пациентов, написание и редактирование текста рукописи;

И.А. Чибисова: клиническое обследование пациентов, написание и редактирование текста рукописи.

Authors' contributions:

I.S. Karaush: review of publications on the topic of the article, writing and editing the text of the manuscript, statistical analysis;

V.D. Badmaeva: development of the study design, clinical examination of patients, writing and editing the text of the manuscript;

I.A. Chibisova: clinical examination of patients, writing the text of the manuscript, editing the text of the manuscript.

Финансирование: Исследование проведено в рамках выполнения государственного задания №056-00037-23-00 «Разработка комплексных моделей клинко-психологической диагностики, экспертизы, профилактики, межведомственного взаимодействия при работе с детьми и подростками в контексте преступлений, совершенных в информационной среде и киберпространстве».

Financing: The study was conducted within the framework of state task No. 056-00037-23-00 "Development of complex models of clinical and psychological diagnosis, examination, prevention, interdepartmental interaction when working with children and adolescents in the context of crimes committed in the information environment and cyberspace."

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила / Article received: 29.06.2024. Принята к публикации / Accepted for publication: 20.07.2024.

Для цитирования: Карауш И.С., Бадмаева В.Д., Чибисова И.А. Суицидальное поведение несовершеннолетних, планировавших или совершивших нападение на образовательные учреждения. *Суицидология*. 2024; 15 (2): 113-130. doi.org/10.32878/suiciderus.24-15-02(55)-113-130

For citation: Karaush I.S., Badmaeva V.D., Chibisova I.A. Suicidal behavior of minors, who planned or committed the attack for educational institutions. *Suicidology*. 2024; 15 (2): 113-130. (In Russ / Engl) doi.org/10.32878/suiciderus.24-15-02(55)-113-130